

18+

Арина Лорель

Тьма над Утсгардом

Арина Лорель

Тьма над Утсгардом

«Издательские решения»

Лорель А.

Тьма над Утсгардом / А. Лорель — «Издательские решения»,

Север Норвегии, полярная ночь. В маленьком посёлке Утсгард за два года бесследно исчезают четыре человека. Все они родились с «волчьей пастью» — древней меткой, которая в саамских преданиях связывала их с теми, кто живёт подо льдом. Криминальный психолог Сирена Юль приезжает из Осло, чтобы найти рациональное объяснение. Но чем глубже она погружается в расследование, тем отчётливее понимает: под толщей замёрзшего фьорда действительно есть город. И в нём кто-то ждёт.

© Лорель А.

© Издательские решения

Содержание

Тьма над Утсгардом	6
Глава 2	9
Глава 3	14
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Тьма над Утсгардом

Арина Лорель

© Арина Лорель, 2026

ISBN 978-5-0070-9354-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Тьма над Утсгардом

Глава 1

Ноябрь. Утсгард, фьорд. 22:47. —7° С, сырость, которая не просто кусает — она заползает под каждую швею, под подкладку куртки, под ногти, превращая тело в ледяную глыбу. Полярная ночь. До рассвета — если его вообще дожидаться, если небеса не сомкнутся над фьордом навечно — ещё восемьдесят четыре дня.

Аксель Хага ступил на лёд и сразу услышал этот звук. Треск.

Тихий, вязкий, будто сухой сучок ломается под подошвой. Но сучьев здесь не было. Ничего, кроме льда, присыпанного колючей позёмкой, и чахлого, больного света — один фонарь на столбе у причала, всё остальное утонуло в ватной тьме. Треск шёл снизу, из-под ног. И глубже, чем ему бы хотелось. Гораздо глубже.

Он замер. Пар изо рта вылетал клубами, оседал на воротнике, мгновенно превращаясь в ледяную корку, и щипал лицо, будто иглами. Аксель стоял неподвижно, прислушиваясь к себе, и чувствовал, как вибрация от шагов уходит в толщу — туда, под замёрзшую воду, — а потом возвращается. Другая. Чужая, сбивчивая, словно под ним билось второе сердце.

Лёд тут был слоёный, как недопечённый пирог: сверху — старый мартовский наст, хрупкий и звонкий; под ним — вода, не успевшая схватиться из-за тёплой струи, что шла из глубины фьорда; а ещё ниже — прошлогодний, серый, рыхлый, в котором правды нет.

Он знал этот лёд. Каждый его изъян, каждую трещину, заметённую снегом, он выучил наизусть за три зимы. Ходил сюда каждую ночь, когда в комнате становилось слишком душно, ставил сетки подо льдом. Не рыбы ради — тишины ради. Ради того, чтобы слышать, как мир замирает.

Шагнул ещё раз. Прогнулось под ногой — противно, с влажным чавканьем, — и снова треск. Теперь длиннее, с каким-то гортанным призывом, будто лёд не треснул, а вздохнул. Аксель остановился. Сердце стучало где-то у горла, гулко отдаваясь в висках. Он присел на корточки, коснулся поверхности рукавицей — и отдернул руку. Лёд был тёплым. Тёплым, как кожа больного.

И тогда он увидел руку.

Она пробила лёд метрах в восьми от него. Там, где фонарь уже не светил, только серая муть полярной ночи, густая, как кисель, — липкая, осязаемая тьма. Рука торчала неестественно, вывернутая в запястье, кисть застыла в жесте — будто просит о чём-то, хочет удерживать уходящее. Но цвет... Аксель видел утопленников раньше. Синие, бледные, в зелёной плесени, опухшие. Эта была белая. Белая, как свежеебструганная кость. Как парное молоко. Как тот странный, фосфоресцирующий свет, что разливается над горизонтом перед самой долгой зимой, когда даже небо забывает, где верх.

Аксель не двинулся. Он смотрел, как снежинки оседают на бледной коже и не тают — остаются лежать, словно на камне. Он считал про себя. На пятой секунде пальцы его правой

руки непроизвольно сжались в кулак. На восьмой он понял: рука не просто пробила лёд. Её вытолкнули. Снизу. Талой водой, газом, давлением — или чем-то, о чём он боялся думать, о чём запрещал себе думать с той самой ночи, три года назад.

Пальцы дрожали, когда он достал телефон. Экран осветил его лицо снизу, выхватив из темноты жёсткие скулы, впалые щёки и глаза — слишком глубоко посаженные, чтобы в них можно было прочесть хоть что-то. Он набрал местный участок, услышал сонный, ворчливый голос дежурного.

— Полиция.

— Аксель Хага. Я у северного причала. Тело подо льдом.

Тишина в трубке. Где-то в комнате шуршат бумаги, звякает кружка. Потом голос — с лёгкой хрипотцой, с ноткой обречённости:

— Хага? Опять? Аксель, ты уверен, что...

— Я уверен, что вижу руку, Улле. — Аксель прокашлялся, голос сел, заскрипел, как несмазанная петля. — Её там больше, чем надо. Приезжай.

Сбросил. Убрал телефон во внутренний карман, но тепло корпуса не чувствовалось — только холод, пронизывающий до костей.

Ветер дёрнулся, сменил направление, потянул из фьорда, с открытой воды, где чёрные волны облизывали кромку льда. И запах... Не рыба, не водоросли, не привычная гниль, от которой разит вонючим приливом. Сладковато-острое, как миндаль, с привкусом формалина. Химия, от которой першит в горле, от которой хочется зажать нос и бежать, бежать прочь, не оглядываясь.

Аксель шагнул ближе — на шаг, на полшага. Снег скрипел, лёд постанывал, но рука молчала. Он остановился в двух метрах от пролома, разглядывая обломанные края. Лёд был тонким, почти прозрачным, и сквозь него, в темноте, угадывалось что-то ещё — смутный силуэт, тень в тени. Тело висело вертикально, лицом вниз, руки раскинуты, будто он — или она — пыталась плыть вверх, но что-то удержало.

Рука дёрнулась.

Не вся — один палец. Средний, самый длинный. Дёрнулся и замер, будто подавал знак. Дёрнулся и снова застыл в той же мольбе.

Аксель выдохнул — и его вывернуло. Прямо на лёд, жгучей, желто-коричневой струёй, которая расплзлась маслянистым пятном, зашипела и тут же вмёрзла, впитав тепло его тела. Он вытер рот тыльной стороной рукавицы, глядя на это остывающее пятно, и подумал: «Только не это. Только не сейчас. Только не опять».

Он поднял глаза. Рука всё так же торчала из полыньи, белая, кривая, неестественно длинная. И снова этот запах — сладкий, как гниющий миндаль, оседающий на языке.

Лёд молчал. Фьорд молчал. Только где-то вдалеке, со стороны гор, донёлся низкий, басовитый гул — будто сама земля ворочалась во сне, недовольная тем, что её потревожили.

Аксель знал: она помнит. Эта вода помнит всё. Каждый утопленник за триста лет, каждый секрет, сброшенный в чёрную глубину, каждый крик, который заглушили волны.

И теперь она возвращала их обратно. По одному. Начиная с него.

Глава 2

12 ноября. Участок Утсгарда. 14:07. —9° С.

Сирена Юль не знала, что тишина бывает с ногтями.

В Осло она мягкая, пушистая — там её приглушают шины по мокрому асфальту, где-то воеет сирена, в коридоре топают соседи, за стеной плачет чей-то ребёнок. Городская тишина всегда пахнет дымом и кофе, её можно потрогать, можно разбавить голосом. Здесь, в Утсгарде, тишина была другой. Сухая, колючая, она лезла в уши без спроса — не через барабанные перепонки, а прямо в череп, давила на глазницы, и от этого тошнота подкатывала к горлу, как при быстром спуске в лифте, когда пол уходит из-под ног.

Сирена сидела в арендованной «Тойоте» на парковке, смотрела на участок сквозь запотевшее стекло. Бревенчатая коробка, выкрашенная в бордовый цвет, два окна изнутри заклеены алюминиевой фольгой — тепло сберегают, дураки. На крыше спутниковая тарелка — вся в инее, как ёлочная игрушка, забытая после Рождества. У входа доска объявлений, единственная бумажка под пластиком: «Пропал лабрадор, чёрный, кличка Один, отзывается на свист. Нашедшему — награда». Кто-то прилепил к ней фотографию собаки — тусклую, с размытой мордой, но глаза были видны: большие, тёмные, с какой-то человеческой тоской.

Сирена смотрела на снимок и думала о том, как мало нужно человеку, чтобы удержаться на плаву. Собака, чашка кофе, крючок для ключей. А если всё это пропадает — остаётся только считать.

Она заглушила мотор. Тишина стала плотнее — будто её залили в машину из ведра, холодную и вязкую, как кисель. Щелчок замка, скрип двери — и она уже стояла по щиколотку в снегу, глядя на свою дыхательную струю, что таяла в темноте за две секунды.

Сирена вытащила из сумки папку — тонкую, почти невесомую, три листочка. На первом — мужик лет под пятьдесят, щёки провалились, глаза смотрят врозь, будто не договорились друг с другом. Кнут Рамстад, пятьдесят семь лет. Исчез три недели назад. Жена сказала: «Пошёл за дровами в сарай — и нет. Растворился в темноте». Без криминала, без долгов, без соседских свár. Просто вышел — и не вернулся.

Второй лист — четыре имени за два года. Две женщины, двое мужчин. Всем за пятьдесят. Все из Утсгарда или ближайших хуторов на берегу. Все пропали в ноябре. Почему именно в ноябре? Сирена тогда ещё не знала, но чуяла — ответ не в статистике, не в сезонной депрессии и не в «несчастных случаях на воде», как бодро рапортовал окружной отчёт.

Третий лист — фото, из-за которого она и согласилась на эту поездку. Тело, которое Аксель Хага вытащил из-под льда в марте, три года назад. Женщина, Мари Хауген, сорок четыре года, соцработник из Тромсё, числилась пропавшей семь лет. Вода её почти не тронула — вечная мерзлота, холод, как в морозильной камере. На шее — ожог, ровная полоса, будто кислотным ошейником затянули. Лаборатория развела руками: вещество не определили, ни одна база данных не дала совпадения. Кожа вокруг — молочно-белая, без следов воспаления, будто ожог поставили уже после смерти, когда кровь остановилась.

Сирена закрыла папку. Печка дула еле тёплым, она натянула перчатки — шерстяные, с отрезанными кончиками пальцев, чтобы можно было листать бумаги, — нахлобучила вязаную шапку почти до бровей, подняла воротник стёганой куртки и вышла. Снег под ногами заскрипел — сухо, противно, как наждак, — и этот звук показался ей слишком громким, почти неприличным в мёртвой тишине. Воздух обжёг ноздри, они слиплись при вдохе, и она на секунду зажмурилась — привыкая к запаху: соль, водоросли, холодный камень и ещё что-то пряное, незнакомое, отчего защипало в горле.

Она дошла до двери, постучала — звонка не было. Ручка оказалась ледяной, металл прилипал к коже через перчатку.

Открыл мужик в форменном свитере, с нашивкой «Полиция Нурланна». Лет сорока, рыжий, обветренный до красноты, с мелкими прожилками на щеках — работа на открытом воздухе, ветер, солёные брызги. Глаза красные, слезятся от сухого воздуха, но смотрят цепко, с лёгкой подозрительностью, которую местные надевают вместе с курткой.

— Фру Юль? — голос с местной растяжкой, гласные тянутся, будто вязнут в патоке. — Ларс Фосс, начальник. Заходите, только сапоги снимите, у нас полы тёплые, но грязь не люблю.

Она разулась, скинула ботинки на высоком меху, в шерстяных носках прошла внутрь. Комната — два письменных стола, кулер с полной бутылкой в углу, календарь с Гейрангер-фьордом на стене. Запах кофе, старых бумаг и ещё какой-то — псиной отдаёт, тёплой, живой. Под столом у Ларса в плетёной корзине спал рыжий лабрадор, положив тяжёлую голову на передние лапы. Уши вздрагивали во сне, нос шевелился, будто собака что-то выслеживала даже в забыты.

— Один? — Сирена кивнула на объявление у входа.

— Он. — Ларс усмехнулся, но усмешка сползла сразу, как будто он вспомнил что-то невесёлое. — Нашёл на дороге через три дня. Лежал на снегу, на боку, какдохлый. Весь дрожал, шерсть колтунами. Живой, правда. Просто сбежал. Собаки чувуют то, что нам не дано. Может, учуял — и рванул. А может, наоборот — испугался.

Он указал на стул. Сирена села — офисное железо, сиденье продавлено за десятилетия, пружина жёстко упирается в ягодичы, — и положила папку перед собой, как щит.

— Ларс, не будем крутить. Четыре пропавших за два года в трёхсотдушном посёлке — это не статистика. Это аномалия. Плюс тело Мари Хауген, плюс теперь Кнут. Национальная полиция склоняется к серии. Я приехала составить портрет, чтобы понять — кто, как, зачем. Вы мне нужны как глаза и уши. В прямом смысле.

Ларс налил себе кофе из термоса, даже не глядя на кулер. Ей не предложил. Повисла пауза, в течение которой он отпил, поморщился — горячо, — поставил кружку и посмотрел на неё так, будто решал, говорить или нет.

— Знаете, почему Утсгард так называется, фру Юль? — спросил он, и голос его стал глубже, словно он спускался в колодезь.

Она покачала головой. Она знала, конечно, — выучила по дороге из Осло, пока «Тойота» ползла по обледенелому серпантину. Но хотела услышать его версию.

— Мифология. Утгард — мир за оградой. Ётуны, великаны, хаос. В скандинавских сагах это место, где обычные законы не катят. Где время течёт иначе, где обман — норма, а правда — исключение. Местные говорят проще — «Тьма». Не оттого, что ночь полгода. Оттого, что чувствуют: здесь что-то сбито. Земля, камни, вода. Люди пропадают не из-за маньяка, фру Юль. Место само забирает. Оно насыщается. И отдаёт по чуть-чуть — чтобы мы не забывали.

Она ждала, что он засмеётся, пожмёт плечами, скажет «шучу». Не дождалась. Ларс молчал, глядя на неё выцветшими, красными глазами, и в этом взгляде была усталость человека, который слишком долго смотрит в одну и ту же темноту.

Сирена скрестила руки на груди — жест защиты, — но тут же одёрнула себя: нельзя показывать слабость.

— Аксель Хага, который вытащил Мари, — сказала она, перелистнув в папке на третью страницу. — Вы упомянули, что он раньше работал. Сыщиком. Десять лет раскрывал убийства. Потом ушёл. Почему?

Ларс тяжело вздохнул, провёл рукой по лицу, будто снимая паутину.

— Потому что жену свою нашёл. — Он сказал это так обыденно, как говорят о погоде. — Стине. В том же самом льду, у того же самого причала. Двадцать лет назад. Она пропала в ноябре, как все. Он искал её четыре года, каждый день выходил на лёд, долбил лунки, нырял в проруби. А когда нашёл — она лежала подо льдом в двух метрах от того места, где он ставил первую сетку. Мёртвая, но не тронутая. Тоже с ожогом на шее.

Сирена почувствовала, как воздух в комнате стал плотнее, будто стены сдвинулись на ладонь.

— Такой же ожог? — переспросила она, стараясь, чтобы голос не дрогнул.

— Точь-в-точь. Я сам видел фото в архиве. Такая же белая полоса, без ран, без красноты. Вещество не установили. С тех пор Аксель живёт в хибаре у леса, ловит рыбу, ставит сетки. Говорят, он всё ещё ищет кого-то. Или не кого — чего. Может, ответ.

Сирена захлопнула папку. Она встала, одёрнула куртку.

— Покажите дом Кнута. Прямо сейчас.

Ларс не спорил. Он надел парку, натянул рукавицы, свистнул собаке — та подняла голову, посмотрела мутными глазами и снова уткнулась носом в лапы. Не пошёл.

— Один сегодня не в духе, — буркнул Ларс, но в голосе сквозила тревога. — Ладно, пойдём. Машина моя, ваша в гараже отстоится.

Они вышли. Мороз укусил за щёки. Пока шли до патрульного «Форда», Сирена заметила, что на улице не горят фонари — только один, у причала, тускло мигал в конце пустой улицы. Остальное — темень, такая густая, что, казалось, можно черпать ложкой.

Всю дорогу до дома Кнута — три минуты езды по обледенелой грунтовке — они молчали. Но молчание было тяжёлым, насыщенным, как у Фосса в кабинете. Сирена смотрела в окно на серые силуэты домов с тёмными окнами, на редкие огни — свечи в окнах, свечи, а не лампы, будто весь посёлок готовился к чему-то древнему.

Дом Кнута стоял на отшибе, в двадцати метрах от кромки леса — сосны, засыпанные снегом, стояли как призраки. Крыша просела, на крыльце горела единственная лампочка — жёлтая, больная, она выхватывала из мрака облупившуюся дверь.

Ларс открыл ключом. Запах — тот самый, сладкий, миндальный, с привкусом формалина — ударил в нос, едва они переступили порог. Сирена замерла на входе, прижав рукав к лицу.

— Это... — начала она.

— Да, — перебил Ларс. — Тот же запах, что и у проруби. Он был здесь, когда мы в первый раз осматривали. Мы проветрили, но он возвращается. Как прилив.

Внутри — ничего не тронут: чашка на столе, ложка в ней, застывшая каша; на стене календарь, перевернутый на октябрь; на полу — тёмное пятно, похожее на засохшую грязь. Но не грязь.

Сирена подошла к столу. Под чашкой лежал листок — вырванный из блокнота, с одним словом, написанным дрожащей рукой: «ПОМНИ».

Она взяла листок двумя пальцами, поднесла к свету. Бумага была холодной, влажной, будто её держали в морозилке. И на обороте — ещё слово, мелкими буквами, почти нечитаемо: «Утгард».

Сирена сунула листок в карман куртки. Ей показалось, или лампа под потолком моргнула? Она подняла глаза — и увидела в углу, за шкафом, едва заметный след на обоях: кругами, спиралью, будто кто-то рисовал пальцем, снимая слой за слоем.

Она шагнула ближе. Спираль была правильной, математически точной, выведенной одним неразрывным движением. В центре — точка, проколота чем-то острым.

И тут за окном раздался треск. Такой же, как описывал Аксель. Сухой, глубокий, идущий снизу.

Они оба замерли. Ларс выругался, бросился к входной двери. Сирена осталась стоять, глядя на спираль, и вдруг поняла: она видела такой же рисунок. В деле Мари Хауген, на первом фото — на ладони утопленницы, на коже, которая не поддавалась тлению.

Спираль. И точка в центре.

Кто-то считает. Не спящих — пропавших. Или, может быть, наоборот — пробуждает их.

За порогом снова треснуло, и на этот раз Сирена услышала, как это не просто звук — это шло отовсюду: от стен, от пола, от стекла, которое внезапно покрылось узорами инея, будто дышало.

Она выбежала на крыльцо. Ларс стоял у калитки, вглядываясь в лес.

— Что? — крикнула она.

Он обернулся. Лицо его было бледным в свете больной лампочки.

— Никого. Но следы. — Он указал вниз. — Свежие. От дома — к лесу. И обратно.

Сирена подошла. В снегу отчётливо виднелись две цепочки следов: одна — глубокие, тяжёлые, мужские, уходящие в темноту между сосен. Вторая — мелкие, частые, будто кто-то бежал на цыпочках. Они возвращались к крыльцу.

— У Кнута был кто-то, — сказала она. — После того, как он исчез.

Ларс покачал головой, сглотнул.

— Фру Юль, этих следов не было, когда мы осматривали дом на следующий день. Их не было.

Они переглянулись. Ветер дёрнул ветки, осыпал снег — и до них донеслось: едва слышный, тонюсенький звук, как будто кто-то напевал колыбельную на древнем языке, где все гласные слишком длинные.

Сирена схватила Ларса за рукав.

— Звоните Акселю. Мы едем к нему. Сейчас.

Ларс не спросил зачем. Он просто кивнул.

А за их спинами, в тёмном окне дома Кнута, зажглась свеча. Та, которую никто не зажигал.

Глава 3

Кнут Рамстад обитал в трёх километрах от Утсгарда, у озера Тьмавадн — в переводе с древненорвежского «вода тьмы» или, как шепнул Ларс по дороге, «вода, что помнит». Дорогу не чистили, и они с Ларсом увязли по колено в снегу почти сразу, на первой же сотне метров от патрульной машины, которую пришлось оставить на обочине.

Сирена потом не могла выкинуть из головы этот путь. Он врезался в память не образами — ощущениями, слишком острыми для того, чтобы быть просто холодом и усталостью.

Сначала — тишина. Густая, липкая, она залезала под кожу, и в ушах начинало шуметь так, будто внутри течёт кровь, слишком громко для тишины. Она слышала биение собственного сердца, хруст снега под подошвами, дыхание Ларса — и всё это казалось чужим, не её, словно она шла не в своём теле.

Потом — свет. Не от фонарей, их тут не было, — от снега. Он фосфоресцировал, едва уловимо, голубоватой изморозью, отражая звёзды, которые висели низко, крупные, и мерцали как-то нервно — каждая в своём ритме, будто передавали сигнал, который нельзя было расшифровать. Сирена на секунду зажмурилась — веки изнутри казались оранжевыми, но когда открыла, голубизна никуда не делась. Снег светился, как старый экран телевизора после отключения.

Потом она слышала гул. Сначала подумала — в голове звенит от мороза, от напряжения, от бессонных ночей в гостинице, где батареи стучали и не грели. Но нет. Земля гудела. Низко, почти на грани слышимого, где вибрацию чувствуешь не ушами, а костями — ступнями, голенями, позвоночником, который отзывался глухой дрожью. Гул шёл отовсюду: из-под снега, из-за сосен, из самого озера, которое угадывалось впереди чёрным пятном среди белого.

Ларс обернулся, приложил палец к губам — не кричи, мол, и говори, но шёпотом, будто они проходили через чей-то сон.

— Озеро дышит, — шепнул он, и пар изо рта вылетел таким плотным клубом, что на секунду скрыл его лицо. — Лёд под напряжением трещит глубоко. Гудит. Не стой, иди. Если встанешь — услышишь лишнее.

— Что за лишнее? — спросила она, хотя горло уже сжалось от холода и страха.

Ларс посмотрел на неё так, будто она спросила, правда ли, что вода мокрая.

— Голоса, фру Юль. Или не голоса — звуки, которым люди дают имена. Моя бабка говорила: озеро поёт для тех, кто умеет слушать. Для остальных — гудит. Но если ты встанешь и прислушаешься, оно начнёт говорить. И ты услышишь тех, кто подо льдом.

Она не ответила. Просто пошла быстрее, стараясь не проваливаться в сугробы, и чувствовала, как гул становится глубже, когда она ускоряется. Или это озеро подстраивалось под её шаг?

Дом Кнута вынырнул из темноты неожиданно — бревенчатый сруб с покатой крышей, на которой снег лежал ровным слоем, без единого следа, ни от птиц, ни от веток. Дымоход был холодным, чёрным внутри, будто его никогда не топили. Ни света в окнах, ни движения за стёклами — только отражение звёзд в мёртвом стекле.

Дверь не заперта. Ларс толкнул — и она открылась с сухим, звенящим скрипом, как удар по стеклянной бутылке. Скрип разнёсся по пустому дому, ударился о стены и затих, не найдя отклика.

Внутри — холод. Не обычный, не зимний, а морозильный, тот, что бывает в заброшенных мясных камерах, когда долго не включали свет. Запах пустоты — озонированный, стерильный, будто здесь выкачали весь воздух и закачали вместо него ничего. Сирена включила налобный фонарь — луч заметался по стенам, выхватывая облупившуюся краску, трещины в штукатурке, пустые полки.

Кухонный стол — одна кружка, керамическая, с отбитым краем. На дне замёрзшая кофейная гуща, застывшая так, будто её залили эпоксидкой. Хлебница пустая, крышка валяется на полу. Холодильник открыт настежь, внутри одна банка сайры, валяется на боку, и на ней — слой инея толщиной в палец. Давно не открывали. Давно не жили.

Спальня оказалась ещё более жуткой. Кровать не застелена, простыни сбиты в ком, в жёлтых пятнах — старый пот, въевшийся в ткань, который не выведешь ни одной стиркой. Подушка смята, на ней — несколько седых волос, коротких, жёстких. На тумбочке — фото в деревянной рамке: женщина за пятьдесят, стрижка короткая, почти мальчишеская, улыбка до ушей, глаза прищурены от солнца, которого здесь не бывает. С обратной стороны — надпись шариковой ручкой, выцветшей до бледно-синего: «Элли, 2019, Утсгард».

— Кто она? — спросила Сирена, хотя уже догадывалась.

— Элли Рамстад. Сестра Кнута. Первая из четырёх. Ноябрь 2021-го. Ушла за водой к озеру — и не вернулась. Тело нашли только в апреле, когда лёд сошёл. — Ларс помолчал, потом добавил: — Без ожога. Тогда ещё без ожога. Это началось позже.

Сирена перевернула фото — и на обороте, поверх старой подписи, увидела другой текст. Мужская рука, нажим такой сильный, что бумага продавлена почти до дыр, буквы кривые, злые, выведенные с яростью:

«Она не пропала. Она ушла в лёд. Как все они. Как все, кого я не спас. Я знаю, кто забирает. Я видел его лицо.»

— Это не Кнут? — спросила она, хотя почерк на тумбочке, на клочке с «молоком, хлебом, солью» — был другим, аккуратным, каллиграфическим.

Ларс покачал головой.

— Нет. Кнут писал только списки, ровно, без эмоций. Это не его рука. Но чья — не знаю. Возможно, его руки стали другими. Или он не один здесь жил.

Мастерская. Дверь в неё была приоткрыта, и оттуда тянуло маслом, ржавчиной и ещё чем-то — сладковатым, знакомым. Тем самым миндальным привкусом, от которого у Сирены

свело желудок. Она зажмурилась на секунду, но запах никуда не делся — он заполнил ноздри, осел на языке, заставил сглотнуть кислую слюну.

В мастерской царил беспорядок, но не хаотичный — системный, как у человека, который искал ответ и перерыл всё, но так и не нашёл. Верстак завален ледобуром со сломанным лезвием, запасными ножами для резьбы по дереву, мотком капроновой лески, парой старых сапог с подмётками, изрезанными так, будто по ним прошлись ножом. На стене — карта озера Тьмавадн, вся в пометках красным фломастером: точки, крестики, кружки. Под картой — график, нарисованный от руки, с датами и глубинами. И тетрадь.

Школьная, в клетку, углы замяты, обложка в пятнах (жир? кровь? кофе?). Почерк мелкий, каллиграфический, почти печатный — не похож на тот, что на фото, но Сирена уже не была ни в чём уверена.

Она взяла её. Обложка обожгла пальцы даже через шерстяные перчатки — холодная, как лёд, хотя в помещении было не теплее минус пяти. Сирена открыла первую страницу. И прочитала вслух — тихо, сама себе, но Ларс услышал и шагнул ближе, заглядывая через плечо.

«Дневник Кнута Рамстада. Начал 10 ноября 2021. Элли ушла — и я понял: лёд не просто держит воду. Он держит счёт. Он запоминает каждого, кто ступил на него, и каждого, кто не вернулся. Я должен научиться читать его записи. Если я пойму, как он считает, я смогу остановить его. Или найти её.»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.